

ИНТЕРВЬЮ С В.Г. СМОЛИЦКИМ*

– Виктор Григорьевич, Вы фольклорист, литературовед, историк. А кем были Ваши родители? Они тоже гуманитарии?

Мои родители – отец Гершон Рувимович и мать Рахиль Анцелевна Смолицкие – были интеллигентами в первом поколении. Отец родился в 1896 г. в с. Церковный Осовец Могилевской губернии. Брал уроки у домашних учителей и экстерном окончил гимназию. Во время Первой мировой войны служил в армии. Участвовал в организации советской власти на Могилевщине. В 1920 г. поступил в Московский университет, на юридический факультет. Рассказывал, как легко в то время было поступить в университет. Молодой парень, руководивший приемом, назвал какой-то очередной большевистский лозунг и спросил отца, что этот лозунг означает. Выслушав ответ, сказал: «Абсолютно правильно, товарищ», – и зачислил отца в университет.

Одним из профессоров юридического факультета был в то время Александр Николаевич Винокуров – старый большевик. Еще в царской ссылке он познакомился с Лениным. Был в числе первых советских наркомов. В 1924 г. Винокуров был назначен председателем Верховного суда (до него этот пост занимал Николай Васильевич Крыленко) и предложил отцу место секретаря в Верховном суде. Отец пошел работать, не успев даже закончить университет. Так в Верховном суде всю жизнь и проработал, до самой смерти в 1961 г. Сначала был секретарем, потом – старшим консультантом. Пользовался очень большим авторитетом. Но в период кампании «борьбы с космополитизмом», когда евреев находившихся на ответственных постах старались отстранять от должности, отец тоже пострадал. В начале 1953 года его сняли с работы, но вскоре после смерти Сталина восстановили.

Мама моя родом из городка Сураж (в то время он относился к Черниговской губернии, а сейчас входит в Брянскую область). Когда отец в 1925 г. познакомился с мамой, она была студенткой II Московского государственного университета (сейчас это Московский педагогический государственный университет). Но началась кампания «борьбы за чистоту студенческой молодежи», и маму исключили из университета как дочь лишенца. Дедушку объявили лишенцем, потому что он владел сапожной мастерской. Сам он был прекрасным закройщиком, и у него работало два или три мастера. Мама так и не смогла получить высшего образования. Она окончила педагогический техникум в Сураже и всю жизнь проработала педагогом в детском саду.

Одно время мама занималась в еврейской театральной студии, художественным руководителем которой был Алексей Денисович Дикий, известный режиссер и актер. (В 1937 году он был арестован, несколько лет сидел, а впоследствии играл Кутузова, Нахимова и даже Сталина, стал лауреатом Сталинских премий). Когда я родился, пришли все мамы товарищи-студийцы, присвоили мне звание почетного студийца, и на этом мамина театральная карьера закончилась – мама вся ушла в воспитание своего единственного дитя, тем более что вся труппа потом уехала в Киев. Правда, когда, я сравнительно недавно попал в Сураж – родной город мамы, то оказалось, что там помнили ее как артистку, игравшую в самодеятельных спектаклях.

– Отец занимался исследованиями в области права?

Елена Петровна Батьянова – к. и. н., старший научный сотрудник отдела Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва); e-mail: elena-batyanova@yandex.ru.

* Интервью подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Публикуется к 85-летию со дня рождения.

– Он больше практический работник был. Я знаю только одну его брошюру теоретическую – «Должностные преступления». Кроме того, он был составителем «Казусника» для практических занятий студентов-юристов. В этом пособии содержались какие-то наиболее сложные дела прошлых лет; на занятиях по уголовному праву студенты их анализировали. Отец преподавал на юридическом факультете Московского университета и в Высшей школе МВД, где вел практические занятия.

По паспорту имя отца – Гершон. Хотя в повседневности все его называли Григорием – и на работе, и дома, и мать его так называла, и сестры. В семейной обстановке имя Гершон я никогда не слышал. Так и у меня получилось: в метриках меня записали по имени отца – Гершинович, хотя почти всегда все зовут Григорьевичем, я отзываюсь и на то, и на другое имя, и, так сказать, не комплекую ни в ту, ни в другую сторону.

– Многие люди, работавшие в 1930-е годы в органах юстиции, были арестованы или и того хуже. Отцу как-то удалось избежать этого?

– Избежал именно потому, что был всего лишь «рабочей лошадкой». Он готовил бумаги, которые должны были подписывать или председатель Верховного суда (отец чаще всего с ним работал), или члены Верховного суда. Сам он, будучи беспартийным, не мог быть членом Верховного суда, и это его спасло, потому что поголовно весь состав Верховного суда в 1930-х годах был расстрелян.

Отец большое внимание уделял УПК – уголовно-процессуальному кодексу, который гарантирует права обвиняемому. И даже был момент, когда председатель Верховного суда Волин сказал, что своим «формализмом» отец отрицательно влияет на Верховный суд, имея в виду, что он всегда в своих записках требовал строгого соблюдения процессуального кодекса. Отец всегда работал не за страх, а за совесть. Выходных дней у него почти не было. Иногда мама начинала ворчать: «Ты все возишься со своими бумагами». Отец отвечал: «Так ты пойми, что за всеми этими бумагами судьбы людей». Он очень радовался, когда ему удавалось смягчить судьбу человека, а иногда даже спасти его от расстрела.

– Как жили и чем увлекались Вы в детстве?

– Вся жизнь моих родителей прошла в коммунальной квартире, где кроме нас жило еще девять семей. Кстати, отца соседи очень любили, и когда он умер, то на похороны и даже в Верховный суд на гражданскую панихиду пришли почти все. Многие из них поминали отца в церкви.

Я жил, как большинство моих сверстников. Любил гулять по Москве. У нас с другом выработался даже такой маршрут – от одного книжного магазина к другому. В чем мне никогда не было отказа от родителей, так это в покупке книг и в посещении театра. Вот такую обычную сценку я вспоминаю. Утром, в воскресенье, отец читает газету. «Витя, тебе надо посмотреть такой-то спектакль во МХАТе или в театре Вахтангова». Мама включает: «У него плохие на неделе отметки – в театр он идти не может». Отец парирует: «Я считаю, что посещение театра – это не поощрение и не наказание, а это то, что необходимо интеллигентному человеку». Я продолжение спора никогда не слушал, а быстро брал деньги и бежал в театр.

Большую роль в формировании моих гуманитарных интересов сыграла наша соседка по квартире Софья Николаевна Ситникова, прекрасный преподаватель русской литературы, обладавшая огромной библиотекой. Она в то время работала в училище Гнесиных. Софья Николаевна давала мне книги, когда я готовился к школьным сочинениям, снабжала критической литературой, и в первые годы моей учебы в университете тоже очень мне помогала.

Папа любил повторять: «Мне важно, чтобы ты был честным человеком, а какая специальность у тебя будет, это уже твое дело». Но я все свое детство считал, что буду актером, естественно, великим. Со второго по седьмой класс я занимался в Московском городском доме пионеров, который находился в одном из переулков, недалеко от Мясницкой улицы. Там я участвовал в спектаклях «Царевна-лягушка» (где играл царя) и «Черемыш – брат героя» по пьесе Льва Кассиля. В этой связи я вспоминаю нашу руководительницу Неврозову Наталью Михайловну. (Неврозова – это ее псевдоним теат-

ральный, а настоящая фамилия Натальи Михайловны – Бонди. Она родная сестра известного пушкиноведа Сергея Михайловича Бонди и не менее известного актера и драматурга Алексея Михайловича Бонди). Когда мы решили ставить спектакль «Царевна-лягушка» (то есть, она решила, но преподнесла это так, как будто мы решили), она принесла книгу Александра Николаевича Афанасьева «Народные русские сказки» и прочла сразу несколько вариантов этой сказки. Я тогда в первый раз столкнулся с тем, что одна и та же сказка может рассказываться по-разному.

У нее был очень интересный метод, который в те времена строгой цензуры разрешался немногим. В Доме пионеров его использовали Наталья Михайловна и Сергей Владимирович Серпинский – известный в Москве руководитель детских драматических коллективов. Метод такой – по сказке вместе разрабатывали сценарий и потом делали этюды. Вот первая сцена – царь должен приказать своим детям выстрелить в разные стороны, чтобы найти себе невесту. Так? «Ты, Витя, будешь царем. Ты, Толя, будешь царевичем, и ты, Лева, будешь царевичем, и ты, Саша, будешь царевичем. Идите теперь на сцену и разыгрывайте, как этюд, так, как вы это себе представляете». И мы уже сами, своими словами начинали создавать текст, сами обсуждали, как это получалось у нас. Потом в репетициях этот текст отрабатывался. И когда уже спектакль был подготовлен, то пришла стенографистка, и этот текст за нами записала. Так появилась пьеса. Вот такой метод. Мы были не только актерами, но и авторами текстов.

К 30-м годам Наталья Михайловна уже накопила довольно большой опыт работы с детьми как руководительница детских театральных коллективов. Она мечтала создать такой кружок, в котором дети не только бы играли, то есть выступали артистами, но и создавали своими руками декорации, костюмы.

Уже с первого занятия Наталья Михайловна нам заявила, что не собирается из нас делать актеров. Мы это проглотили кисло: «Там посмотрим». Действительно, из ее кружка впоследствии вышло лишь несколько артистов – большинство кружковцев стали заниматься чем-то другим, но ее занятия очень многому нас научили и, прежде всего, этике человеческой. При этом Наталья Михайловна никогда не читала нам нотаций.

Наталья Михайловна была страстной поклонницей Пушкина. В доме у нее я увидел в первый раз огромное количество собраний сочинений Пушкина. Я говорю: «Зачем? Зачем Вам столько Пушкиных?» А она была очень удивлена моему удивлению: «Как же, как же. Это все очень интересно. Каждый раз другие комментарии, каждый раз по-другому». Вот такие детские воспоминания связаны у меня с началом моего интереса к гуманитарным наукам, к литературе, к фольклору.

– *А в каком районе Москвы Вы жили в те времена?*

– У Кировских ворот. Угол Мясницкой, как раз напротив метро. На одной стороне с Вхутемасом. В доме, где было кафе “Ландыш”. Я жил над ним. На одной лестничной клетке с нами с начала 1920-х годов до 1926 года жили Брики и Маяковский. Я их, конечно, не помню, потому что они уехали как раз в том году, когда я родился. Но мама рассказывала, что она встречалась с Маяковским: в тех случаях, когда не работала канализация, Маяковский входил к нам и спрашивал: «ОНО у Вас работает?» А мама заходила к ним в квартиру позвонить (у нас не было тогда еще телефона). Ей запомнилось, как однажды в открытую дверь она увидела лежащую на кушетке с книжкой Лилу Брик, а перед ней – большую вазу с фруктами. Мою маму, полуголодную студентку, родители которой жили в провинции, эта сцена, конечно, очень поразила.

– *Вы, Виктор Григорьевич, мечтали стать актером, а стали филологом. Почему это произошло?*

– Это произошло потому, что очень рано я понял, что никакого театрального таланта у меня нет и что даже к театру у меня интерес более исследовательский. Меня очень интересовала литература по истории театра. Я читал Станиславского «Моя жизнь в искусстве», Немировича-Данченко «Из прошлого». То есть к истории театра, к изучению театра у меня был интерес больший, чем к артистической практике, в которой успехи у меня были небольшие. Самая, так сказать, большая моя роль – это роль царя в «Царевне-лягушке», которую я сыграл, учась в третьем классе, а дальше я уже играл только в не-

больших эпизодах, и Наталья Михайловна больше ко мне обращалась: «Ну, как? Как?», — когда показывала других, чем меня самого выставляла на сцену. Я очень быстро понял, что идти в актеры — это не для меня. Сдавал экзамены на театроведческий факультет в ГИТИС и провалился с треском — получил двойку. Потом поступил в Московский университет, на филфак.

— *Расскажите немножко об университете тех лет. Кто из преподавателей филфака Вам особенно запомнился, более всего на Вас повлиял?*

— Плохо было то, что очень подробное изучение в университете истории партии, трудов Ленина и Сталина велось за счет сокращенного изучения главного предмета — литературы. Мы, филологи, совершенно не понимая, что к чему, должны были изучать постановления сессии ВАСХНИЛ, где провозглашен был главным мичуринцем Лысенко и признаны мракобесными теории Менделя и Моргана. На все это уходило много времени, и за счет этого страдала подготовка по специальным курсам. Например, не было общих семинарских занятий по всему курсу истории литературы. Мы занимались на семинарах только по какой-либо определенной теме. Так, я ходил на семинар по древнерусской литературе и поэтому не должен был уже посещать семинары по Пушкину, Лермонтову.

Самые мои любимые профессора — это Белкин Абрам Александрович (он читал курс по русской литературе XIX века) и Пинский Леонид Ефимович — специалист по западноевропейской литературе. Они учили студентов самостоятельно мыслить.

Мои научные интересы сравнительно быстро сгруппировались вокруг древнерусской литературы и фольклора. Моим научным руководителем стал Николай Калинин Гудзий, член-корреспондент Украинской академии наук, специалист по древнерусской литературе, первый декан филфака МГУ. Занятия по фольклору у нас вела Эрна Васильевна Померанцева. Эти преподаватели были действительно продолжателями классических традиций Московского университета: с одной стороны (и прежде всего), это требование знания предмета, а с другой стороны — очень большой демократизм. На семинарах обсуждение студенческих работ было обычно очень жарким, студенты спорили не только между собой, но и с преподавателями. Причем в споре все держали себя наравне, преподаватели не давили своим авторитетом и должны были доказывать свою правоту, а мы с юношеским задором иногда даже их оспаривали. Вспоминается пословица: «Бодался теленок с дубом», но не в том смысле, что в результате какие-то были репрессии, нет, как раз наоборот — это создавало очень откровенные и доверительные отношения между преподавателями и студентами, хотя как только кончалось занятие, то чувство почтительного уважения к своему преподавателю находило свое выражение во всем нашем поведении. Со средних курсов мы, фольклористы, ходили на заседания кафедры фольклора, руководимой Петром Григорьевичем Богатыревым, и участвовали в научных спорах.

Над дипломом я работал под руководством Гудзиев и Померанцевой. Тема диплома «“Повесть временных лет” и фольклор». Когда я приходил к Николаю Калинин Гудзиеву с какой-либо очередной своей «новой» идеей, он очень внимательно меня выслушивал, а потом спрашивал, читал ли я такие-то книги, перечисляя при этом с десяток названий. Давал понять: «Прочти, а потом поговорим». Я усвоил от него такое правило: «Чтобы высказываться по какой-либо проблеме, надо знать все, что об этом было сказано твоими предшественниками».

— *А что было после окончания университета?*

— Университет я окончил в 1950 г., после чего 10 лет преподавал в школе рабочей молодежи. Первый год я работал во Владимире, а потом девять лет — в Москве. Преподавал русский язык и литературу. С некоторыми из бывших моих учеников того времени я до сих пор поддерживаю связь.

— *В 1951 г. вышла Ваша работа «Собираетелям произведений устного народного творчества. Методическое письмо». Вы уже тогда во Владимире занимались собиранием фольклора?*

– Во Владимире я занимался и фольклором тоже. Я же преподавал в школе с семи часов вечера и поэтому имел возможность днем заниматься чем-то другим. Я пошел в Дом народного творчества, и там мне предложили написать такое «методическое письмо». Я подготовил это «письмо» совершенно в духе того времени, и говорится там о необходимости заниматься собиранием фольклора, посвященного Ленину, Сталину, партии и пр. И даже приведены примеры такого квазифольклора. Поэтому когда впоследствии я участвовал в составлении «Сборника документов по истории фольклора 1930-х годов», то во вступительной статье к сборнику раскрыл всю механику создания былин о Ленине и Сталине, сказок о них и пр. И это я рассматривал, в том числе, и как акт покаяния, потому что сам успел поучаствовать во всей этой глупой деятельности.

– Но Вы ведь искренне участвовали в этой деятельности. Вы верили, что надо собирать такие вещи. И, по-моему, их, действительно, надо было собирать.

– Да, но их не было.

– Как не было?!

– Их кто-то сочинял, но в народ-то это не уходило. Кто сочинил, тот пел и рассказывал, а дальше этого не шло. Так какой же это фольклор?

– Вы жалеете о своей первой статье?

– Нет, я не жалею, потому что это было такое время. Я тогда так думал. Вообще-то, я мог бы уже и поумнеть к началу 1950-х годов. Взгляды мои потом изменились очень и очень сильно.

– В списке Ваших трудов целая серия энциклопедических статей. Они посвящены деятелям русской культуры, литературным произведениям, фольклорным персонажам. Написание таких статей требует особого умения – ухватить и передать суть, сказать о главном не пространно, но кратко и ясно, понятно для всех. У Вас это получалось?

– Когда я вернулся в Москву из Владимира, то мне предложил этим заниматься Николай Калинин Гудзий. Он позвонил в редакцию Большой советской энциклопедии, в Отдел языка и литературы, и рекомендовал меня туда. Заведующим этим отделом тогда был Владимир Викторович Жданов, очень интересный человек, автор книги о Добролюбове. В этой книге он много внимания уделяет тому, как работал Добролюбов в «Современнике» с молодыми авторами. Сам Жданов явно в этом следовал своему герою. То есть, он относился к молодым авторам, с одной стороны, очень требовательно и принципиально, а с другой стороны – ни в коей мере не унижая, не уязвляя их болезненное самолюбие – никогда он этого не допускал. Сам он очень хорошо владел телеграфным, лапидарным стилем, необходимым для такого рода статей, и требовал его от всех авторов. В выработке этого стиля он мне очень помог.

Всего для Большой советской и Краткой литературной энциклопедий я написал более ста статей. В свой список трудов включил только те из них, которые вспомнил.

Кроме подготовки статей для энциклопедий, я по возвращении в Москву сразу же начал работать над статьей «Вступление в “Слове о полку Игореве”», взяв некоторые материалы из своего диплома. Статью эту я показал Дмитрию Сергеевичу Лихачеву в один из его приездов в Москву, и он взял ее для публикации в «Трудах отдела древнерусской литературы». Она вышла в 1956 г. в 12-м томе Трудов.

– В эти же годы вышла Ваша книжка о Ломоносове?

– Она вышла уже в следующий период моей трудовой деятельности, когда я работал в Литературном музее. Меня взяли туда по рекомендации Эрны Васильевны Померанцевой, сначала – на должность научного сотрудника, а потом я стал заведующим Отделом допушкинского периода. В мое ведение входили и фольклор, и древнерусская литература, и литература XVIII века.

– Многие Ваши публикации посвящены XVIII веку. Это любимый Вами период русской истории?

– Нет. Как раз в начале своей научной деятельности я больше интересовался древнерусским периодом. В это время я уже работал над своей диссертацией, посвященной русским героическим былинам, связанным с историческими событиями Древней Руси.

Интерес к XVIII веку появился у меня в более позднее время, скорее всего уже теперь. Хотя с XVIII веком связаны и еще некоторые эпизоды моей работы в Литературном музее. Тогда мне было предложено руководить работой по созданию экспозиции нового музея Александра Николаевича Радищева в селе Радищево Пензенской области. И мы вместе с сотрудницей моего отдела Ириной Александровной Желваковой собрали для этого музея очень большую коллекцию книг XVIII века. Многих специалистов, приезжающих в музей, удивляет количество хранящихся в нем подлинников. В основном это книги XVIII века.

В Литературном музее в одном из рукописных сборников я нашел две песни XVIII века о Григории Репке. Работа с этими фольклорными памятниками тоже заставила меня углубиться в некоторые проблемы XVIII века.

– *Вы как-то, помню, шутя, назвали себя «первым репковедом».*

– Первым и последним.

– *А кто такой Григорий Репка? Многие, наверное, не знают этого. Я, например, не знаю.*

– Это был разбойник, промышлявший в 1780-е годы неподалеку от Петербурга – вокруг Старой Ладogi и Тихвина. Он грабил помещиков, хотя не был замешан ни в одном «мокром» деле.

– *Благородный. Почти как Дубровский?*

Нет. Я б не хотел попасть к нему в руки. Одного помещика, Бровцына, он все-таки высек (в его отряде были крепостные этого помещика). Репка шесть раз бежал. Его ловили, и каждый раз он бежал. В конце концов его все-таки поймали и судили. Я нашел документы суда над ним, где вся его история была рассказана. Искал я эти документы несколько лет и нашел в Ленинградском областном архиве. И вот на основе этих материалов я написал и напечатал статью.

– *В начале 1960-х годов я училась в школе и отлично помню, как в этот период вышли иллюстрированные альбомы по русской литературе для школьников. Помню, с каким интересом мы рассматривали помногу раз эти альбомы. Они очень оживили сухие, схоластичные, скучные учебники. Вы составитель этих альбомов. Это Ваша идея создания их?*

– Нет, идея не моя. Когда я работал в Литературном музее, мне предложили такую работу, и я оказался только составителем иллюстраций. Эти альбомы вышли в издательстве «Искусство» в 1961 году: «Родная литература: Альбом иллюстраций для учеников V-го класса» и такой же альбом для VI-го класса.

– *Ваша диссертация посвящена героическому эпосу – былинам о Добрыне Никитиче. Это классическая тема. Мне кажется, что в этой области очень сложно найти что-то новое. Вам это удалось?*

– Нового я ничего не открыл. Я стремился дать какую-то свою трактовку этого образа. Мной обобщены все материалы о Добрыне, встречающиеся в летописях, и сопоставлено то, что говорится в летописи, и то, что говорится в былинах. Меня интересовали проблемы соответствия исторического документа и эпического произведения, соотношения эпической традиции и исторического факта. Эпическое произведение никогда не отражает историческое событие в каких-то конкретных деталях, но может передать дух того времени, в котором создано это произведение. Историческое событие отражается в эпосе в традиционных композиционных формах, в сюжетных комбинациях, известных ранее. Сюжет эпического произведения, как правило, намного древнее самого произведения. В большинстве случаев былина основана на сюжете, который относится к разряду бродячих, вечных сюжетов: змееборчество, добывание жены и пр. Но злоба дня все-таки обязательно накладывает свой отпечаток и на сюжет. Проследить соотношение двух начал – коллективного и индивидуального – для меня было очень интересно. Фрагменты моей диссертации были опубликованы в книге «Добрыня Никитич и Алеша Попович», вышедший в издательстве «Наука» в серии «Литературные памятники» в 1974 г. Мы подготовили эту книгу совместно с Юрием Ивановичем Смирновым. В этой

же серии в 1978 г. вышла еще одна подготовленная нами книга – «Новгородские былины».

Меня всегда особенно интересовали те произведения фольклора, которые нетрудно было связать с определенной исторической эпохой. Так, в одной из первых моих статей анализируется былина о Добрыне и Василии Казимировиче. Ее возникновение связано со временем прекращения выплаты дани в Золотую Орду. Былина о Добрыне и Змее Горыныче традиционно увязывается с эпохой крещения Руси. Былина «Добрыня и Дунай», с моей точки зрения, отражает эпоху усиления самодержавной власти в Москве – времена Ивана III, Ивана IV.

– У Вас какой-то свой подход и к былинному образу Святогора, и ко времени возникновения былин о Святогоре.

– Да, у меня есть две статьи на эту тему, очень «еретических». Считается, что былины о Святогоре – одни из самых древних. А я думаю, что они возникли довольно поздно и связаны с христианским мировоззрением. Как сказано в Евангелии, первый станет последним, а последний – первым. Гордость, похвала Святогора своей силой, готовность перевернуть мир оборачиваются его посрамлением – оказывается, он не может поднять маленькой сумы переметной. В этом ряду и былина об Илье Муромце и Святогоре: когда Ильи Муромец пытается ударить Святогора, тот и не чувствует. Ильи Муромец удивляется и пугается: «Что же это? У Илюшки силы не по-старому?». Эта былина могла возникнуть только тогда, когда уже известен был образ Ильи Муромца, потому что именно Илья служит критерием и мерилom силы Святогора. Надо знать, кто такой Илья, чтобы оценить силу Святогора.

Мне говорят на это, что эпос о великанах возник гораздо раньше других эпических произведений. Но здесь важно не то, что Святогор великан, а то, что он сильнее самого Ильи Муромца, а сам сплховал перед сумой переметной, которую положил перед ним христианин Микула Селянинович. Такова моя точка зрения, но боюсь, что я один только на ней стою. Во всяком случае, Эрна Васильевна Померанцева не поддерживала меня в этом. Как-то я пришел к ней – она сидит, читает мою статью о Святогоре. Говорит: «Вы знаете, я еще раз перечитала – не согласна я с Вами». Но не стала объяснять, в чем не согласна.

– Расскажите, пожалуйста, о Вашей книге о Николае Гавриловиче Чернышевском. Что Вас побудило обратиться к этой личности? Я знаю, что книга даже была переиздана.

– В Чернышевском меня очень давно, еще со времени моей работы в школе, привлекало то, что он очень рано посвятил свою жизнь «служению» и «подвигу». И в это служение и в этот подвиг он вошел без всякой «помпы и парада», без всех тех откинутых волос и поднятого взгляда, как его иногда изображают. Простота и естественность этого подвига поражали меня, и я считал, что гораздо важнее изучать не произведения Чернышевского, а именно его гражданский подвиг и то, что он шел на этот подвиг с полным сознанием своей значимости и ответственности. Он так и писал жене: «О нас будут вспоминать, когда большинство людей нашего времени уже забудут, и поэтому мы должны себя не уронить в их мнении». Отсутствие внешней позы при готовности пожертвовать собой ради того дела, которому служишь – это всегда привлекало меня в Чернышевском. Вспомните Некрасова: «Не хуже нас он видит невозможность служить добру, не жертвуя собой». И когда я узнал, что в Литературном музее есть книги с пометкой «из равелина», то есть книги, которые читал Чернышевский в заточении, я сначала написал, как просили об этом, маленькую статью для журнала «Из мира книг». А мой начальник Юрий Николаевич Пищулин, с которым мы неоднократно говорили о Чернышевском, заставил меня взяться за книгу. Я сначала упирался. Но мне попался в руки репортерский отчет о деле Синявского и Даниэля. И тут я загорелся создать произведение о другом человеке, который тоже по существу был осужден невинно – о Чернышевском. В отличие от Даниэля и Синявского, он попал в тюрьму не за литературные произведения. Но, сидя в Петропавловской крепости, он занимался не чем иным, как писал донос на себя, то есть роман «Что делать». И это было первое произведение, вы-

шедшее в России, на русском языке, которое излагало основы социализма. Но меня не это интересовало прежде всего и не художественные качества этого романа, а именно подвиг человека, который знал свою судьбу и на нее шел.

– *Ваша оценка Чернышевского несколько расходится с оценкой его Набоковым в романе «Дар».*

– Нет, ни в чем не расходится. Там просто взят другой угол зрения. Набоков показывает, что Чернышевский, такой внешне беспомощный, близорукий, себя-то обслужить как следует не может, а революцию хочет делать. Правильно, он такой и был – близорукий. Когда он узнал, что были совершены попытки его освободить, он расплакался и сказал, что ему очень жаль молодежь, которая губит себя из-за него. Тем более что входило в планы посадить его на лошадь и ускакать. «Так я ж на лошади сидеть не умею!» – воскликнул он. Да, он был именно такой – ничего внешне героического в нем не было. И это то, что подчеркивает Набоков, как бы говоря: «Куда ему!». Но в слабом теле Чернышевского жил очень сильный дух. А это не интересовало Набокова. Он не видит, что этот близорукий человек с тихим пищущим женским голосом, постоянно сгорбленный, обладал огромной силой духа. Кстати сказать, здесь не последнюю роль сыграли его корни. Отец Чернышевского был священник и в детстве заставлял его учиться писать на такой фразе: «Честный человек всеми любим». Эту честность, прежде всего по отношению к самому себе, Чернышевский пронес через всю свою жизнь. Недаром второй роман Чернышевского называется «Пролог» («Пролог» – это древнерусский календарный сборник о святых). И в этом своем романе он дает образы новых святых – революционеров.

– *Он себя осознавал святым?*

– А он не был религиозен. Он понимал, что он новый человек. И в принципе был очень высокого мнения о своих собственных достоинствах. Но вот эта готовность ради дела на подвиг, на самопожертвование роднит Чернышевского со святыми. Вспомните, как Некрасов писал о нем:

Его еще покамест не распяли,
Но близок час – он будет на кресте.
Его послал Бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе

– *Многие из Ваших работ 1970–1980-х годов посвящены художественным промыслам. Это Ваше новое увлечение тех лет?*

– После защиты диссертации я перешел на работу из Литературного музея в Научно-исследовательский институт художественной промышленности (НИИХП). Раньше он назывался – Научно-исследовательский институт художественно-кустарной промышленности, то есть изучал художественное ремесло. Но когда кустарная промышленность была уничтожена в России, то есть все артели народные были заменены фабриками...

– *А когда это было?*

– По-моему, при Хрущеве уже. И тогда выкинули из названия слово “кустарный”, и получилась “художественная промышленность”, хотя институт занимался всегда именно промыслами, основанными на ручном труде. Я туда пошел как специалист по народному творчеству. Надо сказать, что с народным искусством я столкнулся впервые еще тогда, когда готовился к защите диссертации. Дело в том, что защищал я диссертацию в Институте этнографии, и от меня потребовали сдать экзамен по этнографии. Поэтому я должен был ознакомиться со всеми основными трудами по народному искусству, войти в историю основных промыслов. И это дало мне возможность перейти из Литературного музея в НИИХП уже в какой-то степени подготовленным человеком. В НИИХП в те годы работало много высококлассных специалистов: художников, искусствоведов, филологов, влюбленных в народное творчество: Василий Алексеевич Барадулин, Виктор Михайлович Василенко, Никита Васильевич Воронов, Андрей Ефимович Горпенко, Татьяна Дмитриевна Зубова, Нина Ильинична Каплан, Ирина Львовна Карахан, Юрий Васильевич Максимов, Тамара Бенициановна Митлянская, Ольга Сергеевна Попова, Татьяна Михайловна Разина, Людмила Яковлевна Супрун, Екатерина Николаевна Хох-

лова, Людмила Ивановна Чубарова, Борис Осипович Шрагин. Многие из них уже нет в живых.

– Почему Вы выбрали местом защиты диссертации именно Институт этнографии? Вы как-то были связаны с этим Институтом?

– В стране шла кампания по борьбе с сионизмом. Были известны случаи, когда соискатели с еврейскими фамилиями получали на защитах черные шары, хотя работы их были вполне достойны. Эрна Васильевна Померанцева, работавшая в то время в Институте этнографии, посоветовала мне защищать диссертацию в этом институте, где преобладала в те времена атмосфера доброжелательности и отсутствовали всякие фобии. Защита моя прошла успешно. Оппонентами были Эрна Васильевна Померанцева и Вера Дмитриевна Кузьмина – специалист по древнерусской литературе. Кроме официальных оппонентов выступал Петр Григорьевич Богатырев.

Вообще в Институте этнографии поддерживались традиции подлинной науки. Я часто бывал там на заседаниях Ученого совета, дружил со многими сотрудниками Института. Прежде всего, конечно, с Эрной Васильевной Померанцевой. Должен сказать, что я ей во многом обязан. И диссертацию я писал по ее наущению – она меня подвигла. Она была первым читателем всех моих работ, очень строгим и очень придирчивым, но в то же время всегда очень доброжелательным. У нее были свои высокие представления об этике человека, занимающегося наукой, этике ученого, который в любой ситуации, по ее убеждению, не должен был изменять чувству порядочности, чувству товарищества. Она была интересным ученым и создала книги, которые не утратили своего значения до сих пор. Как педагог она воспитала целую плеяду ученых. Виталий Яковлевич Виленкин, Инна Соломоновна Правдина, Нина Ивановна Савушкина, Владимир Прокопьевич Аникин, Юрий Иванович Смирнов, Юрий Александрович Новиков, Виктор Евгеньевич Гусев – это всё ее ученики. Перед войной Эрна Васильевна преподавала в МИФЛИ. Среди ее учеников-мифлийцев был Александр Исаевич Солженицын. В 1968 г., в разгар травли Солженицына, она отправила ему открытку – поздравила с 50-летием. В ответ он прислал ей письмо с благодарностью. Вспоминала она и другого своего ученика – студента МИФЛИ поэта Павла Когана.

Из других сотрудников Института этнографии я часто общался с заведующей группой фольклора Верой Константиновной Соколовой. Она интересный ученый и очень хороший товарищ. Когда выяснилось, что я должен сдавать экзамен по этнографии, Вера Константиновна пришла на экзамен, будучи больной, с температурой 39 градусов.

С добрым чувством я вспоминаю и Рахиль Соломоновну Липец. Она была редактором моей статьи о былинных героях Василии Казимировиче и Добрыне Никитиче. Статья была опубликована в «Советской этнографии». Липец была принципиальным и строгим редактором, умным и серьезным исследователем. Очень дружеские отношения были у меня и с Борисом Николаевичем Путиловым – сотрудником Ленинградской части института.

Несколько раз я ездил в экспедиции, проводимые Институтом этнографии. В 1960-х годах участвовал в комплексной экспедиции по изучению народной культуры Владимирской области. Руководила экспедицией Эрна Васильевна Померанцева. Каждый из участников экспедиции имел свое персональное задание. Музыковед Болеслав Исаакович Рабинович записывал народные напевы. Ленинградский фольклорист Николай Владимирович Новиков изучал самодеятельность. Мне было поручено изучать изделия художественных ремесел. По результатам экспедиции была выпущена книга «Традиционный фольклор Владимирской деревни». Я написал на нее рецензию, которую опубликовал в «Советской этнографии».

– В период работы в НИИХП Вам приходилось много ездить в командировки, экспедиции?

– Да, тогда я действительно объездил много регионов России, но не как фольклорист, а как собиратель произведений народного декоративно-прикладного творчества. И так как экспедиции были малочисленны, то собирать фольклор вербальный приходилось

очень-очень мало. Ездил я всегда вместе с кем-либо из художников, и мы обычно привозили огромный изобразительный материал.

– Я занимаюсь этнографией Крайнего Севера, несколько раз была в экспедициях у коряков Камчатки, и хочу Вам сказать, что Ваши экспедиционные поездки в те края многие коряки помнят и очень хорошо о Вас отзываются. Могу сказать, что Ваши работы по художественному шитью коряков признаны специалистами-этнографами. Это одни из первых работ, где корякское прикладное искусство советского периода характеризуется так тщательно и глубоко. А Вы Камчатку вспоминаете?

– Я рад, что мне посчастливилось побывать на Камчатке, увидеть этот край, этих людей. Мне очень понравились русские люди, живущие на Камчатке. Они как бы несут в себе дух Джека Лондона. Понятия дружбы, взаимопомощи там сохранились и в большой степени востребованы. Замечательна природа Камчатки. Коряки очень интересный народ в своей первозданности, очень добросердечны, очень гостеприимны. Эти качества не могут не понравиться.

Коряки удивительно умело используют природную орнаментику в своих художественных замыслах. Мы с художником Людмилой Ивановной Чубаровой на Камчатке собрали большой и интересный материал. Людмила Ивановна существенно пополнила свою коллекцию образцов народных швов и зашивок. Но коряки не просто художники, они и художники, и певцы, и танцоры, и все это живет в них как в детях.

В.Г. Смолицкий в экспедиции. Камчатка, 1977 г.

В командировке в Приморском крае я работал с замечательным художником - миниатюристом Валентином Павловичем Фокеевым. Он зарисовал очень сложные орнаменты удэгейских мастериц. Все эти образцы сейчас находятся в коллекциях Музея декоративно-прикладного искусства.

– Вы любите ездить в экспедиции?

Мне нравится ездить, нравится общаться с людьми. Это для меня источник положительных эмоций, потому что поездки всегда показывают, что хороших людей больше, чем дурных людей. Как собиратель фольклора хочу принадлежать к школе Померанцевой. Уважение к информатору – это главное, чему учила Эрна Васильевна. Не снисхо-

дить к информатору и не возвеличивать его, а чувствовать в нем такого же человека, как ты сам.

– Но, помимо экспедиций, помимо изучения народного искусства, у Вас есть еще одно большое увлечение. Это поэзия и личность Бориса Пастернака. Я знаю, что Вы даже работали сторожем на даче Пастернака и спасли дачу от пожара.

– Выйдя из университета, о Пастернаке я знал только то, что этот писатель – автор строк «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Пастернаком я заинтересовался очень поздно. Простить себе не могу того, что в свое время мог бы даже с ним познакомиться, но по какой-то своей ограниченности был очень далек от его творчества и не только не восхищался им, но совершенно не понимал. Я говорил: «Я его не понимаю – в этом мой грех, а не его», но не делал никакого шага к тому, чтобы постараться это преодолеть. Заинтересовался я Пастернаком в начале 1970-х годов. И тогда я открыл для себя, что это очень интересная личность, с одной стороны, а с другой – очень большой поэт, которого я и сейчас не могу сказать, что действительно понимаю до конца, потому что это очень сложный поэт, но целый ряд его произведений мне дают истинное эстетическое наслаждение. И шел я к познанию Пастернака от его биографии к творчеству.

В.Г. Смолицкий в экспедиции. Камчатка, 1977 г.

– Вам удалось найти и восстановить некоторые неизвестные страницы биографии Пастернака?

– Мне удалось найти (то есть посчастливилось обнаружить топор под лавкой) в фонде Литературного музея чуть ли не самые первые письма Пастернака. И это заставило

меня обратиться к его гимназическим годам. Потом работа в архиве Москвы и Московской области дала мне возможность найти документы, связанные с его учебой в гимназии. На базе писем и официальных документов о гимназии, в которой он учился, я написал статьи «Б. Пастернак-гимназист» и «В гимназии».

– *Я читала Вашу статью о догимназических годах Пастернака, о его первой учительнице – Е.И. Боратынской.*

– Пастернак о ней упоминает в письмах. Мне захотелось узнать о ней побольше. Оказалось, что Екатерина Ивановна Боратынская – очень интересный человек. Боратынская она по мужу, а сама из семьи Тимирязевых (естествоиспытатель Климент Аркадьевич Тимирязев – ее родной дядя) – одна из близких Льву Толстому людей по работе в Комиссии во время голода. Она была писательницей, но занималась или переводами, или переработкой западноевропейских романов, что было очень модно в конце XIX – начале XX века. Дожила она до 1920-х годов. Это была его самая первая учительница. Пастернак пишет, что она учила его держать ручку, правильно сидеть за письменным столом. Существует фотография Пастернака, где он за столом пишет. Эту фотографию можно держать как образец того, как ученик должен сидеть за столом. Пастернак, оказывается, усвоил это на всю жизнь – всегда работал за столом, не горбясь.

– *Ряд Ваших публикаций посвящен исследованию художественного творчества Пастернака? Расскажите об этом.*

– Я обратил внимание на интерес Пастернака к просторечью, которое является всегда одной из составляющих фольклора. И первые мои работы о творчестве Пастернака были связаны с темой «Пастернак и фольклор». В одной из статей я проанализировал черновики Пастернака, его записи народных фразеологизмов, пословиц, поговорок и опубликовал эти черновики. Надо было «влезать» в текстологию, разбирать почерк Пастернака. Есть у меня маленькая статья «Пастернак и частушка».

Пастернак чрезвычайно высоко ценил фольклор. Его совершенно потрясло исполнительское мастерство сказительницы Марии Кривополеновой, на концерте которой он побывал в 1915 г. Под впечатлением от этой встречи он написал письмо устроительнице концерта артистке и собирательнице фольклора Ольге Озаровской, где признался, что это была одна из его встреч с настоящим, подлинным искусством, которых было не так много за всю его жизнь. Вообще тема «Писатель и фольклор» меня всегда очень интересовала.

– *Вы выпустили двухтомник Пастернака?*

– Для школьных библиотек. Я его даже не видел в свободной продаже. Да, это мне повезло. Как Валерий Брюсов говорил: «Мой Пушкин», так и я имел возможность издать «моего Пастернака» и включил в сборник в основном те стихотворения, которые мне особенно нравятся.

– *«Пастернаковеды» говорят, что поэзию Пастернака отличает динамизм, движение. В его стихах масса глаголов. Все движется, все живое. Мне кажется, эти качества соответствуют чертам Вашего характера. Вы ведь человек очень динамичный?*

– Есть такая форма дипломатическая – «без ответа».

– *Расскажите, пожалуйста, о Вашей книге «Русь избяная».*

– 17 лет работы в Институте художественной промышленности дали мне возможность свой опыт искусствоведа и фольклориста соединить в одно. Эту цель я и преследовал в книге «Русь избяная». Мне хотелось раскрыть народную эстетику домостроения, эстетику как философию, которая раскрывает душу и мировоззрение народа. Хотелось конкретизировать такие понятия, как гуманизм, духовность. Ведь в народном искусстве, действительно, присутствует духовность. Она раскрывается и в философии домостроения. Эту философию я находил в постоянных эпитетах: «терем высокий», «ворота широкие» и пр. В народном сознании важно, чтобы здание было высокое. Но высокое не в том смысле, что большое, много этажей, а высокое в духовном смысле – близкое к Богу. А ворота – широкие. А что значит широкие? Все ворота строятся одного и того же размера, чтобы проехала телега, нагруженная сеном или соломой. Так? Но целым рядом ухищрений, чисто изобразительных, всегда подчеркивается, что ворота широкие. И это

потому, что ворота – символ гостеприимства, через ворота пропускают в дом гостей. Причем, в дом гости идут через ворота, а из дома возвращаются через калитку. Украшаются в доме только крыльцо и окно – через него подают милостыню.

– В этой философии прослеживается влияние православия? Как Вы считаете?

– Конечно.

– А до того? Ведь многие произведения фольклора, народного искусства, традиции строительства и украшения жилища возникли до крещения Руси?

– Возникли-то, возникли, но в настоящее время в фольклоре и в народном искусстве имеются лишь элементы, пережитки, рудименты языческого мировоззрения. Тысячелетие христианства наложило свой неизгладимый отпечаток на все, а уж на народную философию, на духовность – в первую очередь.

– Но следы язычества в русском народном декоративно-прикладном искусстве очевидны.

– В том-то и дело, что выискивают черты язычества, не обращая внимания на то, что духовность, идеи справедливости, добра – это все от христианства.

– С Вами многие, я знаю, не согласятся. Сейчас модно искать духовность и нравственность в язычестве.

– Пожалуйста. Пусть ищут на здоровье.

– Книгу, по-моему, недооценивают специалисты-этнографы.

– Но ее очень хорошо оценили педагоги, и она была включена в программу внеклассного чтения школьников. Известный педагог и искусствовед Марина Юрьевна Новицкая всячески пропагандировала эту книгу, когда она вышла.

– 1990–2000-е годы, судя по списку Ваших работ, самые плодотворный период в Вашем творчестве.

– Обратите внимание на мою биографию. Сначала я работал в школе рабочей молодежи и уже тогда все свое свободное время занимался фольклором и древнерусской литературой. Потом я работал в Литературном музее, должен был заниматься Ломоносовым, Радищевым, но опять-таки писал и защищал диссертацию по фольклору. Потом я работал в Институте художественной промышленности и вплотную подошел к народному творчеству, но не к словесному фольклору, а к декоративно-прикладному. «Дорвался» я до фольклора лишь в 66 лет, когда начал работать в Государственном республиканском центре русского фольклора. И очень благодарен в этом и директору Центра Анатолию Степановичу Каргину, и тому, кто меня привел в этот центр – Александру Алексеевичу Банину. Потому что в то время, когда пригласили меня на эту работу, я уже был на пенсии и работал на ставке сторожа в Литературном музее. Вся жизнь у меня прошла так, что фольклор был для меня в какой-то степени хобби, так как заниматься им все время приходилось в нерабочее время. А здесь наконец-то изучение фольклора стало основным моим занятием. Я был счастлив, работая в Центре и в руководстве, и в товарищах.

В числе многих публикаций этого периода одна из наиболее значимых – сборник, посвященный священникам – собирателям русского фольклора, который я подготовил и опубликовал совместно с Аллой Васильевной Кулагиной. Я давно обратил внимание на очевидную несправедливость: в историографии совершенно не отражена собирательская деятельность священников. А ведь это часто были единственные образованные люди, которые постоянно жили в народной среде (как сказал Некрасов, «косили, жали, сеяли и пили водку в праздники с крестьянством наравне») и, в отличие от многих приезжих собирателей фольклора, общались с хранителями устного народного творчества постоянно. Фольклорные материалы священника Евграфа Андреевича Фаворского (отца выдающегося ученого-химика Алексея Евграфовича Фаворского и деда знаменитого художника Владимира Андреевича Фаворского) – это по существу первое научное собрание былин, сделанное по всем правилам науки.

– Вы первым написали о Евграфе Фаворском?

– О Евграфе Фаворском – да. И первым – о священнике и собирателе фольклора Алексее Николаевиче Соболеве. Оказалось, что он умер относительно недавно – в 1970-

х годах. В последние годы жил в Ступино и преподавал в школе. Я нашел в Ступино его могилу, нашел людей, которые его еще помнили. Он прекрасный фольклор собрал. Почти все жанры дал, которые в то время были. В частности, похоронные плачи, а это один из самых трудных жанров для записи. Я по своему опыту знаю. Надо войти в доверие, чтобы записать плач, надо быть очень к этому подготовленным.

Алла Васильевна Кулагина написала для нашего сборника статью о Павле Флоренском – Леонардо да Винчи нового времени – священнике, поэте, ученом-энциклопедисте. Причем, если Флоренский чего-то касался в науке, то обязательно вносил что-то новое.

– *И в изучение фольклора он что-то внес?*

– Внес. Еще бы. Он все виды фольклора собирал. Архив Флоренского до сих пор не изучен. Его интересовала эстетика народного творчества, народного искусства. Одним из первых он обратил внимание на художественную ценность частушки. В 1910 г. издал в Костроме сборник записанных им частушек.

Наши фольклористы только сейчас начинают изучать граффити – настенные надписи, изображения, а он в свое время ходил по общественным уборным и фиксировал все, что там написано.

– *Над чем Вы сейчас работаете?*

– Я ушел из Центра русского фольклора два года назад. В последние несколько лет занимаюсь больше не фольклором, а литературоведением. Подготовил несколько статей на стыке литературы и фольклора. Вместе с Анной Юрьевной Сергеевой-Клятис мы написали книгу «Москва Пастернака». Она вышла в 2009 году. Работаю над новыми статьями о Пастернаке. Преподаю фольклор и древнерусскую литературу в Международном университете в Москве, на факультете журналистики, и на филологическом факультете Государственной классической академии имени Маймонида. Если Бог даст, хочу написать работу об исторических песнях. Мне кажется, что я понял главную разницу между эпосом былинным и исторической песней. В былевом эпосе подвиг героя – это всегда совершение событий, которые важны для всего общества, для государства. В то время как в исторических песнях герой предстает на фоне исторических событий. И там важно именно то, как человек вписался в эти события, как он их воспринял, какова его судьба на фоне того исторического процесса, который идет. С одной стороны, здесь нет такой монументальности, как в эпосе, но с другой стороны, тут возникают более живые образы с внутренним переживанием людей, с их отношением к происходящему.

– *Спасибо, Виктор Григорьевич. С днем рождения! Здоровья Вам и успехов во всем.*